

— А как насчет твоей собственной работы? Как обстоят дела в Департаменте? — спросил он, его голос выдавал легкую неуверенность, граничащую с неприязнью к Департаменту тайн. Она улыбнулась, едва заметно, но тонко. В конце концов, разговор все равно сведется к ее проблемам, но, возможно, не все так плохо.— Я достойно сдала экзамены, — ответила она, уклоняясь от хвастовства о своем блестящем успехе на испытаниях, предназначенных для новобранцев. — К сожалению, в объявлении о наборе кандидатов не упоминали, что тестирование — это лишь малая часть того, что нужно сделать, чтобы получить постоянную должность в департаменте. — Она фыркнула, облегченно вздохнув. — Оказывается, твой первый исследовательский проект не менее, если не более важен, чем экзамены для зачисления в исследовательское подразделение. Признаюсь, я, возможно, немного увлеклась, когда придумывала свой первый проект... — Она смущенно призналась, щеки слегка порозовели. Должно быть, он догадался, что она задумала, по крайней мере частично, потому что откинулся на спинку кресла и застонал, устало потирая глаза. Это вызвало обеспокоенный взгляд его знакомого, который затем устремился на нее, выражая явное недоумение. "В чем его проблема?" — промелькнуло в ее голове.— Не говори мне, что ты получила работу в Камере смерти, — прорычал он, скорее утверждая, чем спрашивая. Она не стала сдерживать его тон, Гарри испытывал вполне обоснованную антипатию к этой комнате, а точнее, к Арке внутри нее. Может быть, она могла бы это изменить? Она покраснела, осознав, насколько хорошо он ее знает, насколько точно предвидел ее действия. — Ну да, вроде того. Я решила изучить, чем на самом деле занимается Арка, для своего проекта. Он окинул ее скептическим взглядом, явно задаваясь вопросом, почему кто-то в здравом уме захочет иметь что-то общее с так называемой Вуалью Смерти. Ирония в том, что он сам был почти болезненно очарован ею, до того, как узнал о ее предполагаемом предназначении. Еще большей иронией для нее было то, что он стал обладателем трех предметов, которые вместе, по крайней мере теоретически, могли сделать его так называемым "Мастером Смерти". Она решила воздержаться от того, чтобы указывать ему на это, и вместо этого объяснила свои рассуждения.— Видишь ли, никто на самом деле не знает, что происходит с теми, кто проходит через Завесу. Мы предполагаем, что они умирают, так как те, кто прошел, никогда не возвращаются. Однако никто не знает, что на самом деле происходит через нее — это смерть, например, после прохождения человека через нее не возвращаются призраки. А если учесть старую политику, когда через нее проходили осужденных преступников... Он понимающе кивнул, но было странно, что если столько людей погибло от арки, то большее их количество не вернулось в той или иной форме. — Однако если это действительно дверь в смерть... ну... знание того, как она работает, объяснило бы, что происходит с теми, кто умирает, — продолжила она, признавая, что смотрит на свои руки. Если бы она смотрела на лицо своего друга, то увидела бы, что его черты смягчились, а глаза стали сочувствующими; он прекрасно знал, почему ей это интересно. После войны она отправилась на поиски своей семьи. Отправилась в Австралию в надежде вернуть их к прежней жизни. К сожалению, все пошло не так, как она надеялась. Ее отец погиб в автокатастрофе, пока Обливизэйт скрывался в Австралии. Как будто это не было достаточно душераздирающим, ее мать, когда к ней вернулись воспоминания, была не слишком довольна дочерью. Она была в ужасе от того, что ее дочь нарушила их разум таким образом, чтобы стереть их воспоминания о ней. А потом заставляет их перемещаться по всему миру. То, что в результате погиб ее муж, стало еще одним оскорблением. Она испытывала отвращение к своей дочери и в гневе решила, что не хочет иметь с ней ничего общего. Она даже зашла так далеко, что потребовала вернуть ей прежние, ложные воспоминания, чтобы ей оставалось только оплакивать погибшего мужа и не думать о том, как дочь предала ее. Не имело значения, что она сделала то, что сделала, пытаясь защитить их, что это было из самых лучших побуждений. В конце концов, ее мать не переубедить, и она вернулась к себе прежней, блаженно не зная, что кого-то зовут Гермiona Грейнджер. Ей потребовались годы, чтобы смириться с этим, и до сих пор, когда она вспоминала об этом, ее мучило. Иногда она задумывалась о том, все ли в порядке с ее отцом, не злит ли он на нее так же, как и ее мать.— Да, я думала, не может ли Арк каким-то образом

рассказать мне, куда делся мой отец... все ли с ним в порядке, — призналась она, не упоминая о том, что ее не покидала мысль о том, что случилось с крестным отцом самого Гарри, когда он пропал через Вуаль. Когда она подняла глаза, то увидела на его лице все еще сохраняющееся выражение сочувствия.— Что ты нашла? — спросил он доброжелательно, ему явно было неловко говорить о Вуали, но он был готов поднажать ради нее.— На самом деле это была относительно легкая работа. Но, возможно, это потому, что я применяла какой-то метод в своем исследовании, в отличие от подхода "пощечина", который большинство волшебников используют вместо научного метода... — Она тихонько ворчала, разочарованная тем, что даже в учреждении, посвященном исследованиям и открытиям, научный метод был несбыточной мечтой. — Я не стала перечитывать работы тех, кто рассматривал Арку раньше, — видишь ли, я не хотела попасть под влияние каких-то их предположений. Гарри понимающе кивнул. Может, он и не был таким заядлым учеником, как она, до Хогвартса или во время, но ему были знакомы различия в том, как обычные люди и маги обращаются с вещами.— Я задокументировала каждую руну, которую смогла найти на арке, даже несколько, которые оказались просто царапинами... — призналась она с легким весельем. — А также на платформе, на которой все это стоит. Дальше оставалось только выяснить, как все это сочетается друг с другом, и... ну, расшифровать это, если не сказать больше. Так я смогла сказать, что они все делают на самом деле. — Она пожалала плечами, продолжая чесать голову собаки. — Единственная реальная проблема, с которой я столкнулась, заключалась в следующем. Если руны на арке относительно просты, это массивы, связанные с такими вещами, как поток энергии, целостность и какая-то расширенная система координат, которую я до конца не изучила, то руны на базе были скорее загадкой. Однако в итоге они оказались куда более познавательными. Гермиона, с волнением в голосе, поведала: — Потребовалось немало времени, чтобы понять, почему они не действуют как обычные рунические массивы. Но после долгих трудов я, наконец, разгадал эту загадку. Обычно руны служат лишь якорем для магии, придавая ей форму внутри предмета, на котором они вырезаны. Однако мы, и я сам в том числе, признаться, упустили из виду очевидное. Она неловко покачала головой, пытаясь объяснить руны в том виде, в каком они существовали для магглов, и её волнение от собственного открытия заражало голос. — Даже в маггловских обществах руны воспринимались как способ усиления или расширения возможностей, но никогда не считались письменным алфавитом. Но это не означало, что всё, вырезанное на арке, было руной или символом, в чём мои предшественники и не сомневались. Я едва не стал жертвой того же предубеждения, той же лени мысли, и почти предположил, что кроме рун, которые мы не можем идентифицировать, ничего больше нет. Но когда я увидел... единообразие во многих резьбах, я понял, что даже если мы имеем дело с несколькими руническими массивами, они используются как алфавит, письменный язык. — Как только мы смогли отличить сами руны от... заклинаний, с которыми они были связаны, за неимением лучшего термина, стало возможным использовать руны как контекст, чтобы получить язык. Ну, когда я говорю «язык», это был скорее символический протоязык с более буквальными примитивными письменами, разбросанными повсюду и мутящими воду. Но его всё равно можно было перевести, и в итоге всё сложилось в единое целое, которое имело смысл! — закончила она, глаза её горели энтузиазмом.